

Н.И. Горская

**РАЦИОНАЛИЗМ КАК ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ:
«АГРАРНЫЙ МИФ» СМОЛЕНСКОГО ПОМЕЩИКА
В УСЛОВИЯХ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И ЭМАНСИПАЦИИ
(КОНЕЦ 1830-х — КОНЕЦ 1870-х гг.)**

N.I. Gorskaya

**RATIONALISM AS CITIZENSHIP: THE «AGRARIAN MYTH»
OF THE SMOLENSK LANDOWNER IN THE CONTEXT
OF SERFDOM AND EMANCIPATION OF THE SERFS
(LATE 1830s — LATE 1870s)**

Аннотация. Предметом исследования в статье являются образ и социально-хозяйственные практики среднепоместного дворянина одной из губерний Европейской России и его отношение к роли сельского хозяйства в истории страны и взаимоотношениям крестьян и помещиков. Анализируются гражданская позиция рационально мыслящего прогрессивного помещика, его мировоззренческие установки и мотивы рационализации хозяйственной деятельности накануне отмены крепостного права и в первые пореформенные десятилетия. Статья базируется на материалах семейного архива смоленских помещиков Нееловых, в частности, документах, принадлежащих перу П.Д. Неелова, владельца имения Пески Гжатского уезда Смоленской губернии. Автор показывает, что стремление к повышению хозяйственной эффективности имений диктовалось экономическими интересами и гражданской ответственностью владельца, связывающего процветание своего имения и будущее России с развитием аграрного сектора. Отношение дворянина к крестьянам имело рациональный характер, их связывала общая хозяйственная деятельность, которая в эпоху крепостничества держалась на господстве и подчинении, но не исключала хозяйственной эффективности, а после отмены крепостного права — на экономической ответственности при сохранении элементов патернализма. Основой процветания имения в крепостническую эпоху являлось рационально организованное управление крестьянами в сочетании с применением достижений агрикультуры. В пореформенное время на первое место вышли специализация хозяйства и гражданско-правовые договоры с крестьянами.

Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России факультета истории и права Смоленского государственного университета

Gorskaya Natalia Ivanovna, Doctor in History, Professor, Department of Russian History, Faculty of History and Law, Smolensk State University
+7-910-761-69-80; gorskaya-n@yandex.ru

Применение рациональных методов ведения сельского хозяйства в глазах русского помещика имело универсалистское значение для обоснования его гражданской позиции во времена крепостничества и эмансипации. Новизна исследования заключается в изучении проблемы гражданской ответственности дворянина на примере жизни одного человека в переломное для истории России время. Обращение к истории дворянина Смоленской губернии вызвано убежденностью автора в возможностях регионального и «антропологического» подходов и жанра микроистории при изучении хозяйственных и социальных практик, а также проблем гражданственности, рационализма и «моральной» экономики в крепостнической и пореформенной России.

Ключевые слова: Смоленская губерния, аграрный строй, крепостное право, отмена крепостного права, дворянство, рациональное хозяйство, гражданственность.

Abstract. The subject of the research in the article is the image and socio-economic practices of a middle-income landowner of one of the provinces of European Russia and his attitude to the role of agriculture in the history of the country and the relationship between peasants and landowners. The article analyzes the civic position of a rationally thinking progressive landowner, his ideological attitudes and motives for streamlining economic activity on the eve of the abolition of serfdom and in the first post-reform decades. The article is based on materials from the family archive of the Smolensk landed gentry Neielovs, inter alia, documents penned by P.D. Neielov, owner of the Peski estate in the Gzhatsky district of the Smolensk province. The author demonstrates that the desire to improve the economic efficiency of estates was stimulated by the economic interests and civic responsibility of the nobleman who linked the prosperity of his estate and the future of Russia with the development of the agricultural sector. The treatment of the peasants by the landowner was rational, as they were both involved in the common economic activity. In the era of serfdom, the latter was based on domination and subordination, which did not rule out economic efficiency. After the abolition of serfdom, it was founded on economic responsibility while some elements of paternalism were retained. The basis for the prosperity of the estate in the feudal era was the rationally organized management of the peasants, combined with the application of the achievements in agriculture. In the post-reform period, the specialization of the economy and civil contracts with peasants came to the fore. From the Russian landowner's viewpoint, the use of rational farming methods had universal relevance for substantiating his civic position during the times of serfdom and the emancipation of the serfs. The novelty of the research lies in the fact that the author focuses on the life of one person at a crucial time in the history of Russia while studying the problem of the civil responsibility of a nobleman. Addressing the case of a landowner of the Smolensk province is based on the author's conviction that there is great potential in regional and "anthropological" approaches and the genre of microhistory for the study of economic and social practices, as well as the problems of civic consciousness, rationalism and "moral" economy in the feudal and post-reform Russia.

Keywords: Smolensk province, agrarian system, serfdom, abolition of serfdom, nobility, rational economy, citizenship.

В рамках аграрного мифа — представления «о деревне как о территории “особой” культуры», противопоставляемой городу¹, — в России XIX в. развивались отношения подданства и гражданства, свободы и рабства. Аграрный миф во многом определял философские и политические построения славянофилов и народников, видевших в крестьянах носителей русской национальной идентичности и особого пути развития России. Убежденность в высоких моральных качествах крестьян-тружеников распространялась и на сферу хозяйственной жизни. Однако это «романтическое», «немецкое» восприятие крестьян в современной историографии поставлено под сомнение. Как показала Т. Деннисон, хозяйственное поведение крестьян определяли не нравственные ценности, а экономические интересы². В связи с этим правомерно поставить вопрос о влиянии на социально-экономические отношения в деревне гражданственности дворянина, которая со времен Екатерины II трактовалась как ответственность образцового поданного перед государем, обществом и собой³.

В царствование Николая I российское дворянство остро ощущало грядущие перемены. Напряжение духовной жизни столиц передавалось в провинцию⁴. «Думающие хозяева», введившие рациональные методы хозяйствования, стремились не только к сохранению прибыльности имений, ими владели гражданские чувства и обеспокоенность за судьбу родины. Ее будущее они связывали с аграрным мифом — с надеждами на процветание сельского хозяйства. Речь идет не о консерваторах или либералах (не важно, в каком понимании, европейском или российском), а о той части поместного дворянства, которую можно назвать крепкими хозяйственниками и добропорядочными гражданами. Они были не достаточно родовиты и богаты, чтобы играть сколько-нибудь заметную роль в политических событиях переломного времени; но достаточно состоятельны в материальном и интеллектуальном плане, чтобы декларировать свою позицию и воплощать ее в управлении собственным имением.

Этот тип русского дворянина кануна отмены крепостного права и раннего пореформенного времени можно считать «средней» стра-

¹ Христофоров И.А. Крестьянин как идеальный гражданин: истоки и контекст аграрного мифа в России и в Европе Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 160.

² *Dennison T. The Institutional framework of Russian serfdom. Cambridge, 2013.*

³ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 367–368.

⁴ *Smith-Peter S. Imagining Russian regions: Subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia. Leiden; Boston, 2018.*

той дворянского сословия, сохранившей жизнеспособность своих имений в условиях крепостничества и обеспечившей их переход на рельсы модернизации после его отмены. В эпоху перемен они пережили кризис, но не утратили жизненной стойкости, стержнем которой оставался хозяйственный рационализм и глубокая религиозная духовность.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют воссоздать образ мыслей и деятельность рационально мыслящего дворянина крепостнической и пореформенной эпох на примере Петра Дмитриевича Неелова (1815–1894), дворянина Гжатского уезда Смоленской губернии. Смоленская губерния второй четверти XIX в. представляла собой типичную аграрно-крепостническую губернию Европейской России, которая «по процентному отношению крепостных крестьян ко всему населению (69,07) занимала первое место в России»⁵. В свою очередь, микроуровень сюжета дает возможность сфокусировать внимание на обосновании позиции типичного дворянина, уверенного в историческом предназначении своего сословия. В качестве отчета перед потомками П.Д. Неелов скрупулезно собирал семейный архив, который чудом сохранился во времена революций и войн XX в. Материалы архива и составили документальную основу настоящей статьи⁶.

В конце 1830-х гг. П.Д. Неелов служил поручиком в Порхове под Новгородом Великим, в гренадерском полку принца Евгения Оранского. Будущее 22-летнего офицера было неясным. Он подумывал о военной карьере и сохранял постоянную связь с родительским имением Пески в Гжатском уезде Смоленской губернии⁷. Следуя традициям семьи и культуры XIX в., молодой человек фиксировал свои размышления о жизни в записках без адреса и в письмах к родным. «Записки о взглядах и устройстве общественной жизни и быта России» были сделаны в 1837 г. в Порхове, в перерывах между заботами военной службы. Молодой человек ощущает, что «всё прежнее» уходит и «уступает свое влияние новому пытливому беспорядку». В эту пору своей жизни Неелов — воплощение дворянина николаевской эпохи. Молодой человек искренне разделяет ценности «официальной народности». Для него «святая преданность Государю» выражает «сакральную мудрость народа», а «жажда христианского верования» одухотворяет всё на свете⁸.

⁵ Будаев Д.И. Смоленская деревня в конце XIX и начале XX вв. Смоленск, 1972. С. 19.

⁶ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 598 (Нееловы).

⁷ ГАСО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 317. Л. 3 об. – 4.

⁸ Там же. Д. 388. Л. 1–3.

Исходя из этих убеждений, молодой человек определил для себя нравственные ориентиры и жизненную программу: «необходимо быть покорным сыном, любящим мужем, благодетельным отцом, пламенным гражданином и сострадательным человеком и стройно развивать духовность и добродетели, свойственные призванию каждого»⁹.

Эта программа могла быть реализована только в условиях материального благополучия, которое в свою очередь достигалось путем ведения рационального хозяйства. Семейные обстоятельства заставили Неелова вернуться в гжатское имение и стать помещиком. Это было время, когда правительство Николая I вплотную занялось крестьянским вопросом или, как заметил И.А. Христофоров, «время правительственных опытов по “рационализации” крестьян»¹⁰.

В середине 1840-х гг. смоленских дворян волновал закон об обязанных крестьянах (1842 г.) и предстоящее введение инвентариев в соседнем с губернией Северо-Западном крае (1847 г.). Целью законов была регламентация повинностей и введение договорных отношений между помещиками и крестьянами¹¹. По мнению смоленских помещиков, эти новшества нарушали поместное право, главную привилегию и гордость российского дворянства. Николай I, обеспокоенный равнодушием душевладельцев к закону об обязанных крестьянах, решил подтолкнуть его реализацию (возможно, распространить инвентарии на Смоленскую губернию) и сделал ставку на смоленских помещиков. На смолян возлагалась роль ускорителя процесса, подобно той, которую впоследствии сыграли дворяне прибалтийских губерний при отмене крепостного права. Смоленские дворяне должны были показать себя образцовыми подданными, на примере которых учились бы дворяне других губерний. Дважды, в 1847 и 1849 гг., император принимал депутатов от смоленского дворянства, прося их высказаться по поводу возможности введения в Смоленской губернии закона об обязанных крестьянах. Уверенный в особой преданности смоленских дворян престолу, император настаивал на секретности обсуждения и доверительных отношениях между смолянами и царем. Однако смоленское дворянство решительно высказалось против закона об обязанных крестьянах¹². Оно сочло,

⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰ Христофоров И.А. Указ. соч. С. 163.

¹¹ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 59; Ружицкая И.В. Инвентаризация крестьянских повинностей при Николае I (1825–1855): планы и реальность // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 170–172.

¹² ГАСО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 460.

что закон 1842 г. не обеспечивал заключения договора, «возможно-го к исполнению»: со стороны крестьян — в силу двусмысленности ситуации (добровольность договора и крепость крестьян к земле); со стороны дворян — в силу потенциального ухудшения экономической ситуации и невозможности исполнения гражданского долга («воспитывать детей на службу отечества»). Их доводы, казалось, убедили императора, и он при личной встрече благодарил губернско-го предводителя Н.В. Друцкого-Соколинского за откровенность¹³.

Факт приглашения Николаем I дворянства к обсуждению столь щекотливого для империи крестьянского вопроса, с одной стороны, несколько лет был предметом гордости смолян, с другой — усилил их обеспокоенность и стимулировал «кулуарное обсуждение» проблемы в дворянских собраниях и на частных встречах. Отражением этой обеспокоенности стала записка П.Д. Неелова (1851 г.) «Мнение о вотчинных положениях», направленная против инвентарей и закона об обязанных крестьянах¹⁴. Вместе с тем эта записка стала выражением гражданской позиции смоленского дворянина по поводу решения крестьянского вопроса накануне отмены крепостного права.

Неелов предполагает для каждого поместья создать свой закон — вотчинное положение. Написанное владельцем имения, оно должно быть нацелено на достижение рациональных отношений между помещиками и крестьянами. Рационализм выступает синонимом хозяйственного успеха, а антиномия «порядок – беспорядок» с этого момента определяла отношение Неелова ко всем областям хозяйственной и личной жизни.

Автор «Мнения о вотчинных положениях» признает существование враждебных отношений между помещиками и крестьянами. Опасения усиливаются в связи с революциями в Европе. Сколько бы историки ни спорили о масштабах крестьянского движения накануне реформы 1861 г., ясно, что потенциальная угроза крестьянских восстаний беспокоила и помещиков, и власть. Законы об обязанных крестьянах и инвентарях, по мнению Неелова, не устраняли опасность крестьянских движений, поскольку «высвобождением крестьян разрушается окончательно поместная система, и Россия уже идет по пути Запада»¹⁵.

Исполненный монархических чувств, он возлагает на дворян ответственность за порядок в своих имениях перед Николаем I, стоящим «на страже волнующейся Европы», и как следствие — за

¹³ Там же. Л. 5, 18, 19.

¹⁴ Там же. Д. 391.

¹⁵ Там же. Л. 3.

«благоденствие» страны¹⁶. Гражданская позиция помещиков, с точки зрения Неелова, состояла в том, чтобы привести «к возможному совершенству» помещичьи имения и «показать кичливому и суемудрому западу, что не мнимая необузданная свобода ума и страстей ведет человека и царства к истинной цели возможного счастья»¹⁷.

Неелов предлагает план идеально устроенного имения, жизнь которого регламентируется «Положением о вотчинных имениях», не ослабляющим, а укрепляющим крепостничество. В каждой губернии или уезде создается некая общая программа, на основе которой владелец пишет положение для своего имения. Все обитатели имения, господа и крестьяне, неукоснительно следуют его требованиям. Положение регламентирует крестьянские повинности, «посторонние земледельческие и другие заведения и производства», хозяйство, ремесло и промыслы крестьян, а также вотчинное управление и «общепользные вотчинные учреждения» в виде школ и больниц.

Оценивая нееловское «законодательство», можно сказать, что это были «местные инвентарии», но с переносом центра тяжести на крестьянскую жизнь в духе военных поселений. Соответствующим образом выстраивалась и система «командования». Особое место отводилось состоянию хлебных магазинов (складов), наполняемость которых была залогом благополучия крестьян и спокойствия в имениях. Избрание уездных и губернского вотчинных попечителей таких магазинов вменялось в обязанность дворянству. Утверждение вотчинных положений возлагалось на специально созданные дворянско-административные уездные и губернские вотчинные комитеты¹⁸. С экономической точки зрения центральное место в положении занимала регламентация оброка, который в Смоленской губернии был главным, а то и единственным источником дохода дворянина.

Уездные комитеты обязаны были хранить по одному экземпляру положений, еще один экземпляр оставался на руках помещика, без разрешения которого запрещалось его печатание. Верховная вотчинная власть дворянина не подвергалась сомнению. Комитеты в свою очередь играли надзорную роль с целью недопущения умаления этой власти. Они принимали жалобы на предводителей

¹⁶ Там же. Л. 1 – 1 об.,

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Уездный вотчинный комитет под председательством уездного предводителя с участием местного начальства: судьи, депутата от дворянства, исправника, попечителя хлебных магазинов и двух уездных полицейских; губернский вотчинный комитет под председательством губернского предводителя из уездных предводителей, депутатов дворянства и губернского попечителя.

и наблюдали за выполнением положений. Вотчинное положение — это местная дворянская «конституция» и одновременно пособие для решения общегосударственных задач, таких как кадастр и оценка, продажа имений и суд по земельным вопросам¹⁹. В жизни помещика этот теоретический рационализм дополнялся хозяйственным, вознося акт хозяйствования до вершин гражданской ответственности.

С начала 1840-х гг. призванием Неелова стала жизнь сельского хозяина, а прагматизм управления имением, сопряженный с пламенным гражданством, — главной добродетелью. В первые годы после увольнения со службы П.Д. Неелов не был владельцем, он помогал матери управлять семейным имением (в 1843–1851 гг.). После смерти матери, согласно завещанию отца, имение было разделено между братьями и сестрами²⁰. Но в дореформенную эпоху собственные земли не стали сферой приложения хозяйственных интересов рационального хозяина. Неелов не видел возможности изменить традиционное течение дел среднедоходного оброчного имения. И не потому, что оно было основано на крепостном труде, а потому что носило чересполосный характер — явление широко распространенное в смоленской деревне. Оно не представляло собой одного целого, с точки зрения собственнических прав. Земли владельцев, братьев и сестер, являлись частями нескольких деревень и, несмотря на юридический раздел имущества, по-прежнему, составляли единый хозяйственный комплекс, владельцы которого делили разве что денежный доход. Поэтому хозяйственные планы Петра Дмитриевича были обращены на имение Мокрое, принадлежавшее князю В.В. Долгорукову, в котором Неелов в 1846–1849 гг. служил управляющим.

Мокрое — крупное имение в восточной части Гжатском уезда, в котором было два села и сорок деревень с 2680 ревизскими душами мужского пола. Поместье включало 18 825 десятин земли «как господской, так и крестьянской, удобной и неудобной». Более половины земли, 10 561 десятина (56%), находилось в пользовании крестьян²¹. Крестьяне были достаточно состоятельны и откупались от рекрутчины, платя по две тысячи рублей за солдата. Однако внутри крестьянского мира наблюдалось расслоение. Помимо «бедных», «посредственных» и «достаточных» в Мокром выделялась еще и группа «богатых» крестьян²². Хозяйство делилось на три главные отрасли: оброчную (крестьянское хозяйство на оброке и барщине), заводскую

¹⁹ ГАСО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 391. Л. 4об. – 10.

²⁰ Там же. Д. 31. Л. 1; Д. 8. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 127. Л. 2.

²² *Рябков Г.Т.* Смоленские помещицы крестьяне в конце XVII — первой половине XIX века. М., 1991. С. 124, 151.

(винокурение, уксусное и солодовое производство) и сельское хозяйство (скотоводство, сырное и мясное производство, луговодство, хлебопашество)²³.

Мокрое было идеальным местом для воплощения планов П.Д. Неелова. Князь В.В. Долгоруков, видимо, принадлежал к тому типу вотчинников, который разделял рационалистическую концепцию Просвещения о хорошо организованном государстве и переносил эти идеи на устройство Мокринского имения. Долгорукова и Неелова объединило стремление к регламентации посредством инструкций и положений. Петр Дмитриевич управлял имением на основе инструкции, полученной им в петербургской вотчинной конторе. Помимо организации хозяйственной жизни на него возлагался контроль над нравственностью крестьян, забота об их благосостоянии, здоровье и образовании.

Управляющий возглавлял вотчинную контору имения, заведовавшую всеми службами и текущими делами. Контора имела структуру государственного учреждения как воплощение идей камерализма в рамках отдельной вотчины. В конторе имелось учебное отделение, заводская часть, вотчинная лавка, больничный стол, финансовый стол, ведавший всеми расчетами и мирским капиталом²⁴. Мирской капитал, складывался из крестьянских штрафов и мирской запашки при «каждой деревне», из урожаев которой засыпался продовольственный капитал на посев или на случаи неурожаев²⁵.

Для вотчинной конторы и каждого ее подразделения имелась своя инструкция, призванная упорядочить действия «служащих» и хозяйственную деятельность крестьян, придать последней целенаправленность и организованность. Так, в «Положении об учебном отделении Мокринской вотчинной конторы» говорилось, что его целью была подготовка собственных «управленцев», образование крестьянских мальчиков, «способных для сельского писмоводства, счетоводства и заведования хозяйственными частями». Кроме того, детей обучали ремеслам, свойственным крестьянскому быту²⁶. В свою очередь «Положение о вотчинной лавке» демонстрировало «отеческую» заботу владельца «о благосостоянии крестьян доставлением необходимых для их быта припасов и материалов»²⁷.

Проблемы по управлению Мокрым были характерны для всех барщинных имений нечерноземной зоны, но от этого не станови-

²³ ГАСО. 598. Оп. 1. Д. 127. Л. 1 – 1 об, 9.

²⁴ Там же. Л. 4 об. – 5 об.

²⁵ Там же. Л. 8 об.

²⁶ Там же. Д. 278. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 280. Л. 1.

лись менее серьезными. В.В. Долгорукова беспокоила организация барщины, где крестьяне трудились не особенно усердно, винокурение, сопряженное с пьянством, и лесные порубки без разрешения барина²⁸.

Управление таким имением требовало не только общих сельскохозяйственных знаний, но и учета местной специфики ведения хозяйства. С этим не справился образованный, но не знающий климатических особенностей местности и психологии крестьянина предшественник П.Д. Неелова немец барон К.Л. фон Рейтаг-Рит²⁹. Неелов был не просто из местных — его Пески лежали рядом с Мокрым, а его отец Дмитрий Васильевич работал управляющим в Мокром при прежнем князе Долгорукове. Предваряя вступление Неелова в управление Мокринской вотчиной, В.В. Долгоруков нанял московского купца А.С. Дмитриева для ревизии дел. Дмитриев составил замечания, которые свидетельствовали о низкой производительности труда мокринских крестьян, о серьезных неполадках в организации дел на винокуренном заводе, в экономии и на мельнице³⁰.

Ревизор назвал две причины плохого состояния дел: незнание прежним управляющим-немцем климатических и хозяйственных особенностей барщинного хозяйства среднерусской полосы и предпочтение, оказываемое им платному труду по сравнению с барщиной³¹.

Принимая вотчину, Неелов провел собственную ревизию, отчет о которой позволяет назвать его «думающим» сельским хозяином. Его знания перевешивали коммерческую наблюдательность купца. Неелова интересует «недостаток пара» на заводе, состояние приспособлений и посуды, содержание скота и его породистость, качество корма, хранение картофеля, постройки конюшни, вид пруда и т.п. Отмечая недостатки и «порядочные» стороны в состоянии хозяйства («скотный двор постройкой очень хорош, в нем помещается 101 корова, но содержание и скот плохи»), Неелов на каждом участке оценивает отношение крестьян к своим обязанностям. Новый управляющий отмечает плохую работу бондарей, пьянство на заводе, «неограниченное жалование бургомистра», заботу о господской выгоде скотника, «порядочный вид» вотчинной больницы и аптеки.

²⁸ Там же. Д. 127. Л. 4 об. – 5.

²⁹ Там же. Л. 4 об.

³⁰ Там же. Д. 303. Л. 1 – 1 об. Винокурение давало мало вина, производилось «неправильно», всюду видна «величайшая неопрятность». В экономии скот содержался плохо, навоз вывозился не вовремя; из семи мельниц одна была брошена, остальные работали плохо, давая муку «самого крупного помола, похожую на древесные опилки», барская запашка обрабатывалась не своевременно.

³¹ Там же. Л. 2–4.

По ходу ознакомительного осмотра имения он отдает первые хозяйственные распоряжения: пересыпать и пересушить старые бочки, прекратить выдачу вина рабочим на заводе, исправить деревянные ковши на водных машинах, морозить лед на лето в ямах, перерабатывать картофель на муку и многое другое.

Проявляя навыки разумного хозяина, Неелов свободно действует в рамках крепостной системы, сохраняющей, с его точки зрения, экономический потенциал. Если старый управляющий для увеличения заинтересованности приплачивал крестьянам за барщинную работу, то для Неелова стимулирующие выплаты — это ненужная и бесполезная трата господских денег. Его решение заключалось в улучшении организации труда на основе крепостничества. При Неелове работы выполнялись барщиной, часто «брат на брата» (одна часть семьи работала на себя, другая — на барщине). Барщинные работы, по наблюдению управляющего, только дисциплинировали крестьян, не отягощая их, поскольку полевые работы, были «почти ничтожны»³².

В некоторых случаях, по разрешению хозяина, управляющий использовал и наемный труд крестьян (оброчных) из соседних с Мокринским имением деревень. Подневольный и наемный труд, соседствуя друг с другом, давали сельскому хозяину пищу для анализа и теоретических выкладок, к которым вскоре, приступив к отмене крепостного права, призовет его правительство.

Власть управляющего над крестьянами была безгранична. При сборе податей он проявлял строгость, но следил, чтобы крестьяне не «смели продавать скот» для их уплаты. В некоторых случаях, по инструкции собственника, управляющему разрешалось «иметь снисхождение». Неелов имел право награждать крестьян, наказывать их розгами, временными тяжкими работами (кочегарить, резать солому) и штрафами за лень, за пьянство и «другие пороки». Как все сильный господин он имел право отдавать в солдаты неисправимых пьяниц, а «негодных» ссылая в Сибирь на поселение»³³. Неизвестно, как часто наш герой прибегал к репрессивным мерам и прибегал ли вообще. Интересно другое: он не сокрушается по поводу чрезмерности и жестокости своих полномочий. Ясно, что Неелов рассматривает их как средство поддержания порядка, которое в руках просвещенного хозяина не может принести вред. Принадлежность к дворянскому сословию расценивается им в данном случае не как привилегия, а как обязанность принимать установленные правила и неукоснительно им следовать для сохранения гражданского мира.

³² Там же. Л. 5–11.

³³ Там же. Д. 127. Л. 4 об. — 5, 8 об.

В качестве управляющего имением Неелов получил опыт применения технических и агрономических новшеств. Он следил за очисткой от леса лугов, за травосеянием, за селекцией животных и необходимым количеством «навозного», молочного и мясного скота; за лесными дачами, включая отпуск леса на крестьянские нужды, ремонтом мельниц, покупкой хлеба для винокурен и многим другим³⁴.

Наблюдая за крестьянами, Неелов выделил две составляющие их нравственности: религиозность и обладание первичными знаниями, необходимыми в крестьянском быту. Если программу крестьянского образования можно было реализовать через школу для крестьянских мальчиков, которая действовала в Мокром задолго до П.Д. Неелова, то поддержка религиозных чувств потребовала личного и энергичного участия Неелова в строительстве церкви в соседнем селе Ренском. Строительство это затянулось на несколько лет и закончилось вскоре после отмены крепостного права³⁵.

Управление имением Голицына приносило Неелову удовлетворение и давало некоторый доход, владелец был им доволен. Однако после четырех лет службы, по семейным обстоятельствам, он покинул Мокрое и продолжил заниматься сельским хозяйством в родовом имении. Но этот период деятельности в качестве совладельца поместья, судя по смоленскому архиву, не дал пищи для размышлений и не нашел отражение в его записках и письмах.

Таким образом, на примере Неелова видим, что накануне отмены крепостного права помещики сохраняли уверенность в экономических возможностях крепостного труда при условии его разумной организации и применения технических и агрономических улучшений.

Подготовка отмены крепостного права вызвала негативную реакцию среди смоленских дворян. В письме к брату, будущему сенатору, Д.Д. Неелову, Петр Дмитриевич выражает критическое отношение к начавшемуся в печати обсуждению крестьянской реформы. «Случилось мне прочесть этим временем несколько статей Герцена и неизвестную статью (будто бы Кавелина) об эмансипации крестьян. Право, читать этих господ становится как-то стыдно за них и грустно за себя»³⁶. Смоленский помещик отказывает Герцену и Кавелину в праве говорить «во имя человечества, во имя России». Он предъявляет им стандартное для провинциального дворянства обвинение в незнании жизни: «недобросовестно говорят о том, чего

³⁴ Там же. Л. 6–8.

³⁵ Там же. Д. 323.

³⁶ Там же. Д. 425. Л. 7.

не потрудились изучить»³⁷. Вопрос о слабой информированности реформаторов относительно состояния аграрного строя приобрел в современной историографии значение серьезного аргумента в пользу сохранения общины и особых общинных черт русского крестьянина³⁸.

Для Неелова не столько отсутствие статистических данных, сколько незнание реформаторами «жизни» русского крестьянина, т.е. его психологии и отношений с помещиками, составляют основную проблему. Он видит опасность в том, что разрыв связи между помещиком и крестьянином ставит под угрозу существование аграрной модели развития и приведет к экономическому упадку не только помещичьего, но и крестьянского хозяйства. Неелов солидарен с мнением смоленского дворянства, высказанного депутацией к Николаю I: «помещик оказывает помощь крестьянам вследствие человеколюбия, законов и экономического расчета»³⁹. Аграрно-крепостной строй для Неелова был устроен таким образом, что единство нравственных начал и экономической целесообразности, придавало ему импульс для развития. После отмены крепостного права оставалась только экономическая целесообразность.

В восприятии Неелова, конфликт между провинциальным дворянством и петербургскими реформаторами, не знающими жизни, состоял еще и в отказе правительства от сотрудничества с дворянством, готовым предложить разумные рецепты, основанные на практике хозяйствования и управления крестьянами. Еще до начала работы губернского комитета Неелов сожалел, что правительство насильственным, «самонадеянным» образом лишает дворян возможности предложить разумные решения устройства крестьянской жизни⁴⁰. В восприятии поместного дворянства, правительство отрицает все хозяйственные и гражданские заслуги первого сословия. Смоленский помещик хорошо осознает грядущие перемены. После утраты власти над крестьянами дворянство теряет статус привилегированного, что на языке дворянской самоидентичности означает утрату гражданской ответственности: «оставаясь на своем отдельном хозяйстве, он делается мужиком, утратившим всякое общественное значение»⁴¹.

³⁷ Там же.

³⁸ Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 134–177.

³⁹ Там же. Д. 425. Л. 8 об.

⁴⁰ Там же. Л. 8.

⁴¹ Там же. Д. 459. Оп. 1. Л. 23.

Подготовка крестьянской реформы, включая поиски компромисса между дворянством и правительством, на общероссийском и региональном уровнях, хорошо изучена советскими историками⁴². На примере деятельности смоленского губернского комитета можно сказать, что процесс обсуждения крестьянского вопроса, при котором губернские комитеты должны были выражать мнение по поводу уже принятых Главным комитетом рескриптов и программ, объединял «консервативное большинство» губернских комитетов. Этой процедурой дворянству был нанесен нравственный удар, произошел «антропологический сдвиг» в самооценке дворян и оценке ими правительства. Дворянская гордость была уязвлена.

Несмотря на это, дворянство сопротивлялось и стремилось донести свою точку зрения до правительства. Период подготовки крестьянской реформы — время массового дворянского творчества. Многообразие проектов, созданных в эту пору, было не под силу оценить ни одной редакционной комиссии. Личный первоначальный проект Неелова был краток⁴³. Но от его положений он не отказывался на протяжении всего подготовительного периода крестьянской реформы, работая в Смоленском губернском комитете по устройству быта помещичьих крестьян в 1858–1859 гг.

В губернском комитете Неелов стоял на позиции земельного освобождения за выкуп при содействии правительства, за переход к частной крестьянской собственности и договорным отношениям с крестьянами. Он писал, что правительство должно предоставить крестьянам кредит для выкупа «себя и усадьбы», после чего крестьяне «на свободном и безобидном условии» берут у помещика в пользование землю, расплачиваясь за нее преимущественно деньгами, а не работою, «чтобы помещик мог производить свои хозяйственные работы посредством вольнонаемного труда»⁴⁴.

Договорных отношений требовал и закон об обязанных крестьянах. Но после отмены крепостного права помещики и крестьяне поучили возможность заключать гражданско-правовой договор. Он снимал ту двусмысленность, которая отталкивала дворян в 1842 г., а именно: невозможность заключения равноправного, следовательно, рационального договора, между хозяином и крепостным⁴⁵.

После отмены крепостного права сельский мир распался. Помещик превратился в мужика. Крестьяне остались без его попечения

⁴² Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 63–125; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1989 и др.

⁴³ ГАСО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 459. Л. 17–19 об.

⁴⁴ Там же. Д. 459. Л. 18 об.

⁴⁵ Там же. Д. 460. Л. 5.

под присмотром старосты и старшины, а помещик должен был целиком полагаться на свои навыки рационального хозяйствования. При этом многие дворяне сохранили чувство гражданской ответственности, которое по-прежнему требовало неусыпных трудов на благо собственной вотчины. Другие дворяне нечерноземной полосы разорились и «мало-помалу в большинстве случаев совершенно утратили связи с данной местностью»⁴⁶.

Неелов не обманулся мнимым «карманным благополучием» и после получения капитала от правительства не уехал в город, а остался в деревне и переустроил свое хозяйство. Он относился к числу тех дворян, которые не держались за старое — за временно-обязанные отношения, отработки (хотя и использовал их) и т.п. Заслуга П.Д. Неелова и подобных ему сельских хозяев, в том, что они сумели удержаться на плаву, укрепили свое хозяйство, придали ему черты хорошо организованного фермерского хозяйства средней руки. Неелов сделал свое поместье центром хозяйственной и культурной жизни округи. Сам Петр Дмитриевич остался думающим, образцовым хозяином, хотя и другой эпохи, эпохи промышленной и культурной модернизации, воспринимавшим новое со смирением христианина и умного человека.

Неелов использовал составление уставных грамот для размежевания с крестьянами и родственниками. Он стал полноправным землевладельцем. Крестьяне Нееловых перешли на выкуп в конце 1860-х гг. У Петра Дмитриевича было 347 десятин земли, из них 337 удобной, используемой в хозяйстве (по уставной грамоте крестьянам отошла 281 десятина)⁴⁷.

В 1864 г. началась настоящая перестройка нееловского хозяйства. Его центром становятся Пески. Работы по перенесению хлебного магазина и построек из других сел, по строительству нового скотного двора и конюшни велись бывшими крепостными Нееловых и крестьянами соседних волостей на основе трудовых договоров, которые оформлялись в Новопокровском волостном правлении и скреплялись подписью волостного старшины Александра Барышникова. Крестьяне, как правило, работали небольшими артелями: «собственными рабочими на собственных харчах»⁴⁸. Условия договоров включали денежное вознаграждение и натуральные выплаты (ржаная мука, гречневые крупы, конопляное масло)⁴⁹.

⁴⁶ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 230.

⁴⁷ ГАСО.Ф. 598. Оп. 1. Д. 212. Л. 13 об.

⁴⁸ Там же. Д. 322. Л. 24–24 об.

⁴⁹ Там же. Л. 25, 28, 29.

Новая система трудовых отношений удивительно легко прижилась в крестьянской среде, поскольку имелся опыт отходничества, работы на стороне в крепостную эпоху. Но еще более интересен тот факт, что волостные правления, созданные сразу же после отмены крепостного права и оформлявшие договоры, вполне справлялись с обязанностями «нотариальных контор».

Перед дворянином был выбор: либо просто сводить концы с концами (оскудение дворянства — естественный процесс в пореформенной России), либо добиться создания прибыльного хозяйства. Помещичье хозяйство Смоленской губернии сохраняло свой многопрофильный характер, в котором полеводство сочеталось с животноводством, огородничеством, пчеловодством и садоводством⁵⁰. Эти элементы были и в хозяйстве Неелова. Но рачительный хозяин пришел к выводу, что в новых условиях необходима специализация.

Петр Дмитриевич сделал ставку на эффективное животноводство, ориентированное на рынок, а все остальные отрасли подчинил основной и использовал для получения продуктов личного потребления. В Смоленской губернии, богатой кормами для скота, животноводство носило менее рискованный характер, чем земледелие, и требовало меньшего количества рабочих рук. Именно животноводство, по мысли Неелова, при наличии желания хозяина («доброй воли») могло обеспечить «обыкновенное развитие» для крестьянских и помещичьих хозяйств. Но этот путь его не устраивал. Он стремился к созданию рационального хозяйства, приносящего доход и являющимся образцом для других. Для такого хозяйства требовались качества, которыми он обладал: «знания, внимание, последовательность, постоянство»⁵¹. Трудолюбие и ответственность остались основными нравственными доминантами его личной жизни и гражданской ответственности, а глубокая религиозность помогала находить новые ориентиры.

В течении пяти лет завершилась перестройка хозяйства, и крупнорогатый скот, со слов Петра Дмитриевича, «вместо убытка стал приносить доход». Хозяйство становилось более эффективным. При сокращении численности молочного стада к весне 1870 г. в 2,5 раза (с 43 до 17 голов), надой увеличились в 1,7 раз. Тщательный и постоянный анализ качества поголовья стада, удоев, кормления, ухода за скотом, проводимый Петром Дмитриевичем в течении пяти лет (с 1 мая 1865 по 1 мая 1870 г.), показал, что успех пришел благодаря улучшению содержания скота и кормления. Зимой «скот помещался

⁵⁰ Орловский И.И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907. С. 72–82.

⁵¹ ГАСО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 209. Л. 8.

в теплом достаточно светлом дворе с сеновалом наверху, на привязи у отдельных подъемных кормовых ящиков». На лето двор переустроивался. При кормлении скота на дворе (зима, поздняя осень и ранняя весна) к сену разного качества прибавлялось «пойло» с покупной овсяной мукой и снятым молоком и, обязательно, соль, которую добавляли и в сухой корм⁵².

В теплое время года скот находился на выпасе. Летние пастбища улучшались за счет травосеяния вики, тимофеевки, клевера. Водопой обеспечивала Москва-река. Удобное расположение Песков у истоков еще не очень широкой, но уже достаточно полноводной реки было хорошим условием для ведения молочного хозяйства⁵³.

Помимо ухода за скотом большое внимание уделялось селекции. В хозяйстве было три породы коров: альгаусская, городская и поместная. Особенно хороша, по мнению Неелова, была альгаусская порода, с которой он познакомился, работая в 1860–1864 гг. управляющим в Петровско-Разумовском. Альгаусская порода крупнорогатого скота вполне подходила для среднерусской полосы, могла содержаться с русским скотом, была мясной и молочной, «неприхотлива, добронравна»⁵⁴.

Посещая продажи скота в Москве и Петербурге, Неелов был впечатлен развитием животноводства, с удовлетворением отмечая, что холмогорская порода продавалась «не только жителям столиц, но и в различные города и поместья почти всех губерний»⁵⁵.

Скотоводство приносило доход и Неелову. Петр Дмитриевич создал крепкое хозяйство, поставлявшее на рынок говядину, молоко, творог, пахту, сыворотку, масло; продавал и ценное в Смоленской губернии удобрение — навоз.

Обязательным элементом хозяйствования в Песках были строгий учет и контроль. За скотом ухаживали пять человек. Расход на работников, включая оплату труда и питание (225 рублей в год), тщательно подсчитывался. Кроме того, придерживаясь старых привычек семейственности, Нееловы поздравляли работников с праздниками и делали им подарки⁵⁶.

Опыт ведения хозяйства был обобщен пытливым хозяином в очерке «Об улучшении русского скотоводства», в котором автор доказывает необходимость специализации сельского хозяйства⁵⁷.

⁵² Там же. Л. 14 об., 18 об., 19, 28–31.

⁵³ Там же. Л. 51.

⁵⁴ Там же. Л. 12 об., 13.

⁵⁵ Там же. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Л. 54, 55, 56 об.

⁵⁷ Там же. Л. 7–13.

Именно специализация становится для помещика Смоленской губернии спасательным кругом и синонимом рационализма. Помещичье хозяйство, заключающее «в себе соединение почти всех главных сельскохозяйственных производств, взаимно способствующих одно другому», в Гжатском уезде «очень хорошо», по опыту Неелова (и не только его), подходило для животноводства⁵⁸.

Очерк характеризует Неелова как хозяина пореформенного времени, принявшего новые реалии жизни и ведения хозяйства и стремившемуся к достижению наибольшего успеха. Смоленский помещик высоко оценивает «прекращение обязательного труда, проведение железных дорог и другие общественные и экономические преобразования последнего времени» и хорошо осознает его непредсказуемость — ослабление усилий хозяина неминуемо ведет к разорению⁵⁹. «В настоящее время, — пишет Неелов, — не одно скотоводство, но и все отрасли сельского хозяйства настоятельно ждут ответов на вопросы о способах их улучшения; ибо каждый помещик и землевладелец поставлен в необходимость, или прекратить свои хозяйственные производства, оказавшиеся бездоходными при ведении их обычными способами, или приступить к новым, рациональным, т.е. сознательно и расчетливо выгодным соображениям и способам их ведения»⁶⁰.

Он формулирует программу улучшения животноводства, включающую систему мер: от селекции скота и устройства лечебницы для коров и лошадей «в центре нееловских имений» до улучшения естественных лугов «посредством расчистки от кустарников и кочек и проведения канав», а также повышения урожайности полей посредством удобрения при бороновании и вспашке⁶¹.

В середине 1870-х гг. Неелов устроил в Песках сушилку, которая продолжала работать и в конце 1880-х. Ее успешная работа подтолкнула младшего брата Д.Д. Неелова к устройству аналогичной в Шаталово Смоленской губернии⁶².

Новый хозяин сохранил критический настрой по отношению к правительству: оно уделяет «мало внимания практической стороне дела». В отношениях дворянина и правительств поменялись акценты. В крепостную пору помещик видел свою ответственность перед монархом за положение дел в имениях, во времена эмансипации требует от правительства экономического содействия.

⁵⁸ Там же Л. 6 об.

⁵⁹ Там же. Л. 7, 11

⁶⁰ Там же. Л. 6.

⁶¹ Там же. Д. 275. Л. 7.

⁶² Там же. Д. 57. Л. 1.

Что касается частного хозяйства, то оно, по убеждению Неелова, оправдало себя. Именно владельцы занимались разведением иностранных (швейцарской, тирольской, английской, голландской) и русских пород (холмогорской, украинской, калмыкской) крупнорогатого скота и обеспечивали развитие животноводства⁶³.

Отношения помещика с бывшими крепостными соответствовали требованиям рационального хозяйства и, как говорилось выше, строились на основе договоров. Дворянин по-прежнему занимал позицию руководителя по отношению к необразованному сословию. Однако изменилась форма выражения этой позиции. Назидательность инструкций эпохи крепостничества трансформировалась в строгость гражданско-правовых норм. Явная нехватка покосов и выгонов в Смоленской губернии пореформенного времени побуждала крестьян арендовать землю на строгих условиях. Неелов начал сдавать землю в аренду своим бывшим крестьянам под покос и пастбище. Договоры заключались с сельскими обществами бывших владельческих деревень на основе круговой поруки на пять лет. Крестьяне обязывались охранять «от порубки и порчи» деревья и заросли и осушать болота. Арендная плата взималась в строго определенное время: четверть суммы крестьяне платили 1 февраля, две четверти — 1 июля и оставшуюся четверть — 1 октября. В случае невыплаты арендной платы в срок, она удваивалась. Землевладелец имел право в одностороннем порядке расторгнуть договор и продать всю или часть земли, сданной в аренду, а «крестьяне никакой претензии и требования за то к нему» не имели⁶⁴.

Крестьяне добросовестно выполняли условия договора, и как только истек срок, перезаключали договор. Такие отношения между крестьянами и Нееловым, а затем и его наследниками, сохранялись до начала XX в.⁶⁵

Аренда была выгодна и помещикам, и крестьянам, а статья о возможной продаже свидетельствовала не о намерении владельцев избавиться от покосов при удобном и выгодном случае, а скорее «заставляла» крестьян точно выполнять довольно жесткие условия договора.

В хозяйстве Петра Дмитриевича применялись и отработки, характерные для пореформенной России и Смоленщины⁶⁶. В основе отработок, представлявших собой систему отношений, напоминающую барщину эпохи крепостничества, лежала бедность крестьян. Помещик выступал как заимодавец по отношению к своим бывшим

⁶³ Там же. Д. 209. Л. 7 об.

⁶⁴ Там же. Д. 238. Оп. 1. Л. 10–10 об; Л. 14.

⁶⁵ Там же. Д. 229. Л. 10–14.

⁶⁶ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1960. С. 312–314.

крепостным. Он одалживал хлеб, овес или деньги крестьянам, которые обязывались «нынешним летом убрать в Песках хлеб, где кому указано будет». Крестьяне должны были «на работу являться тотчас по востребованию и убирать безостановочно, исключая дни, когда хлеб мокр от дождя и росы, и пока совсем не высохнет, не косить, не вязать в снопы; овес и ячмень вязать своими перевязками»⁶⁷.

Договором Неелов стремился обезопасить себя от плохой работы со стороны крестьян и от потери денег: «Будь почему либо г. Неелов не пожелает от кого ... означенных работ, то должны возвратить ему взятые за оные деньги, а за овес по 40 копеек серебром не позднее 1 октября сего года. Если же кто ... не выполнит чего, согласно сей расписки, то обязан уплатить ему вдвое»⁶⁸.

Сравнение хозяйствования Неелова в Мокром и в Песках позволяет говорить о серьезных отличиях в способах ведения хозяйства и понимании гражданственности в дореформенное и пореформенное время. Идеи камерализма ушли в прошлое. На смену инструкциям и положениям общего характера пришли «индивидуальные» гражданско-правовые договоры, заключаемые с артелями, общинами и отдельными работниками; а также строгий учет и хозяйственный эксперимент. Хозяйство приняло рыночный характер. Изменилось и понимание гражданственности. Дворянин больше не декларирует ответственности перед монархом за состояние своего имения. Это стало личным делом дворянина. Ослабли нити корпоративной солидарности. Его гражданские чувства обращены к местному сообществу в лице земцев, прихожан, крестьян и, конечно, своих собратьев по сословию.

Но по-прежнему, как и до отмены крепостного права, необходимы были знания — основа эксперимента и рационализаторства. В пореформенное время расширялась вовлеченность в образование крестьян. Распространению общих и сельскохозяйственных знаний среди помещиков и крестьян посвящено немало исследований⁶⁹. Не стоял в стороне и П.Д. Неелов. Его участие в жизни прихода и в развитии образования в Гжатском уезде говорит о гражданской ответственности и сохранившемся чувстве долга перед бывшими крепостными.

Будучи примерным прихожанином Глинковского прихода, Неелов заботился о строительстве церкви в соседнем с Песками и Глинки

⁶⁷ ГАСО. Ф 598. Оп. 1. Д. 258. Оп. 1. Л. 25 об.

⁶⁸ Там же. Л. 26.

⁶⁹ Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России: центрально-нечерноземные губернии. М., 2002; Ефременко А.В. Сельскохозяйственное образование в России (конец XVII — начало XX века). Ярославль, 1997; Smith-Peter S. Op. cit. P. 135–137.

селе Ренском, прихожанами которой были его крестьяне. В 1850-е гг. перестройку церкви осуществить не удалось. Но ответственный христианин не оставил попечительства о храме в тревожные годы подготовки и проведения крестьянской реформы. В 1859–1863 гг. Неелов руководил в Ренском постройкой новой деревянной церкви во имя Святого Николая. Деньги на храм собирали по всей стране. Прихожане обратились за помощью «к благотворителям в столице и во всей благочестивой Руси» и просили присылать средства в Гжатск на имя Петра Дмитриевича. В Москве благотворители могли передавать средства, «вписывая в листы жертвователей в книжный магазин Александра Ильича Глазунова на Кузнецком мосту»⁷⁰. Неелов руководил всеми работами, он нанимал иконописцев, выбирал иконы, руководил отделочными работами⁷¹.

В договорах с иконописцами И.Н. Шкалиным, крестьянином Болховского уезда Орловской губернии, и московским купеческим сыном М.А. Афанасьевым утверждались иконы по образцу Поречской церкви Можайского уезда, а также внутреннее и внешнее убранство церкви (цвет стен, карнизов, куполов, качество красок и т.п.), сроки и качество работ. Тексты договоров показывают интерес потомка придворного архитектора (дед и дядя Неелова служили придворными архитекторами) к художественной стороне оформления церкви, а также строгость и рачительность расчетливого человека. Если работа исполнялась художником не «отличным образом» и не «добросовестно», Неелов волен был «вычесть по оценке, если он откажется исправить все как следует»⁷². В приходской жизни Неелов пользовался уважением и неоспоримым авторитетом и нередко выступал арбитром в отношениях крестьян с приходскими священниками⁷³.

Разделявший веру образованного общества пореформенной России в силу знания для развития крестьянского хозяйства, для формирования личности свободного крестьянина и его уважения закону, Неелов много времени и средств отдал местному земскому училищу и сельским библиотекам для крестьян.

В Смоленской губернии устройство сельских крестьянских школ входило в обязанность уездных земств, губернское разрабатывало общую политику в сфере образования и поддерживало среднее и высшее образование. После отмены крепостного права в селе Вешки Корытовской волости было закрыто сельское училище Министерства государственных имуществ. Но крестьяне волости, у которых

⁷⁰ ГАСО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 332. Л. 9; Д. 211. Л. 1.

⁷¹ Там же. Д. 272. Л. 1–4 об.

⁷² Там же. Д. 323. Л. 1–13.

⁷³ Там же. Д. 272. Л. 2, 4 об.

появилось осознание необходимости грамоты для ведения хозяйства в новых условиях, решили сохранить школу⁷⁴. Крестьян подержали местные дворяне. Умный и энергичный человек, земский гласный и мировой судья Н.О. Изюмский занялся продвижением идеи в земском собрании, а П.Д. Неелов взял на себя хозяйственную часть. Гжатское земское собрание избрало его попечителем училища⁷⁵. В этом качестве Петр Дмитриевич руководил строительством школы, вел финансовую и хозяйственную часть, закупал учебные принадлежности, присутствовал на экзаменах. Неелов постоянно жертвовал на училище деньги и книги и обращался за помощью к местным состоятельным людям и Можайскому благотворительному обществу. Он передал под школу «на своз» деревянный двухэтажный дом, крытый тесом, с условием, чтобы в нем «обучалось безвозмездно» 10 учеников из его бывших «ближайших» деревень. В память о заслугах Петра Дмитриевича и жертвованиях его семьи, после его смерти Вешковское училище получило название «Нееловского»⁷⁶.

В пореформенной России наряду с учебными заведениями большое внимание уделялось народным библиотекам. Они были продолжением школы, или точнее — школой на протяжении всей жизни. Петр Дмитриевич создал две нееловских библиотеки для бывших своих крепостных, «их детей и внуков». Первая библиотека была открыта в 1872 г. при Корытовском волостном правлении при помощи Гжатского земства, вторая появилась в 1874 г. в Песках и обслуживала всех прихожан Глинок, Ренского и соседних деревень⁷⁷.

Книжный фонд создавался Петром Дмитриевичем. Первая «крестьянская» библиотека предлагала небольшой выбор книг для чтения, главным образом религиозного и исторического содержания⁷⁸. Каталог второй библиотеки включал значительно большее разнообразие литературы. Помимо религиозных книг — обязательного элемента воспитания «всякого русского» — библиотека предлагала своим читателям биографии знаменитых людей; книги по мироведению, общественному и государственному устройству (управление, суд, повинности, благочиние); сочинения о промышленности, сельском хозяйстве и торговле; издания по политэкономии, педагогике, морали, ветеринарии; «произведения словесные» (повести, драмы, стихи) и «произведения искусства» (архитектура, ваение, рисова-

⁷⁴ Там же. Д. 224. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Д. 54. Л. 1, 28.

⁷⁶ Там же. Д. 225. Л. 8 об., 18, 42.

⁷⁷ Там же. Д. 77. Л. 3–6; Д. 242. Л. 5.

⁷⁸ Там же. Д. 242. Л. 3 об., 4 об.

ние), а также справочники и разнообразные предметы «наглядного изучения» (карты, образцы и др.)⁷⁹.

Чтение объединяло жителей окрестных деревень, формировало общие интересы и темы для обсуждения. Создание библиотек укрепляло в Неелове чувство своей значимости в местной жизни. В Государственном архиве Смоленской области сохранилось письмо Петра Дмитриевича заведующему крестьянской библиотекой, волостному старшине Корытовской волости Никифору Ломоносову. Это письмо, предвещающее работу крестьянской библиотеки, показывает значение открытия библиотек для самого автора, его ощущение времени, отношение к истории своей семьи и истории родины. Петр Дмитриевич верил в будущее сельской России и связывал его с меняющимся крестьянским миром. Он остался верен аграрному мифу. «Любезный Никифор Давыдович, — обращался Неелов к Ломоносову, — я уверен, что в настоящее время лучше тебя никто из крестьян не может ведать этим делом. Назвал я эту библиотеку Нееловской в честь воспоминания о наших родителях и нас, а первой — потому что имею цель устроить вторую для крестьян деревни Мышьяков и соседних с ними деревень. Попечительство над ними оставляю только за собою и своими». Письмо заканчивалось пожеланиями: «сердечно желаю, чтобы это малое начало возросло в большее и приносило всем свет истины, душевную и практическую пользу и самое лучшее удовольствие... Всегда сердечно расположенный к вам Петр Неелов»⁸⁰.

По образу жизни, бытовым условиям Неелов и его семья оставались сельскими жителями. Он поддерживал «приличный», в понимании уездного дворянина, уровень жизни и перестроил свою усадьбу. В богатых имениях пореформенного времени архитекторы стремились не просто воссоздать, но и «в чем-то превзойти» былую красоту помещичьих усадеб⁸¹ и воскресить эстетику аграрного мифа дореформенного времени. Над устройством усадьбы Нееловых трудились не архитекторы, а крестьянские артели плотников, печников и «мастеровых на все руки». Эстетические вкусы Нееловых были непритязательны, их удовлетворяли местные умельцы из крестьян. Сельский мир пореформенной Смоленщины жил в условиях стирания архитектурных излишеств.

Договоры, заключенные Петром Дмитриевичем с крестьянами Гжатского и Можайского уездов, дают возможность представить общий вид сельской усадьбы. Усадьба стояла прямо на живописном

⁷⁹ Там же. Л. 5 об.

⁸⁰ Там же. Л. 2. об.

⁸¹ *Пушкарева И.М.* Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 16.

берегу еще не очень широкой Москвы-реки, образующей излучину. На противоположном берегу лежали деревни Андроново и Мышьяково. В нескольких километрах южнее, разделенные Москвой-рекой, друг против друга стояли деревни Глинки с деревянной церковью на стороне Песков и Ренское с деревянной же церковью на стороне Мышьяково. В центре усадьбы находился двухэтажный каменный дом под железной крашеной крышей. Крашеные полы, кафельные печи и оклеенные обоями стены создавали интерьер комнат. Дом окружали хозяйственные постройки: кухня для прислуги, сарай, ток, скотный двор. За усадьбой, в другом конце излучины, к имению графа Каменского, виднелись огороды поля. От крестьянских построек нееловская усадьба отличалась добротностью и размерами⁸².

Нееловы вели полунатуральное хозяйство. Значительную часть их рациона составляли мясомолочные продукты, овощи и фрукты собственного производства. В имении выпекался хлеб, готовились колбасы и буженина, делались всевозможные заготовки из огородных овощей. Недостающие продукты и «товары для дома» Нееловы приобретали в лавках Гжатска, лежавшего на расстоянии 20 верст от имения. Но в первую очередь оплачивались долги и кредит, услуги доктора, кучера и сапожника, мельника и дровосека. Хозяин постоянно покупал почтовые марки, поскольку вел довольно большую переписку с родственниками, а также в качестве почетного мирового судьи, гласного Гжатского земства и депутата дворянского собрания⁸³.

Таким образом, для смоленского дворянина XIX в. центральным образом Отечества оставался сельский пейзаж, одухотворенный трудами двух «соседствующих сословий». До отмены крепостного права в своей хозяйственной деятельности и отношениях с крестьянами он руководствовался идеями Просвещения и патерналистской программой хорошо устроенного имения. В пореформенное время изменились производственные отношения. Они приняли договорный, гражданско-правовой характер, поставив в равные условия помещика и работника. Возросло значение технических и агрикультурных новшеств. Лишение власти над крестьянами изменило самоидентификацию дворян. Дворянин терял статус «гражданина», несущего перед государем ответственность за социальный мир и состояние дел в имениях. Эта перемена произошла при жизни одного поколения, была достаточно скоротечной, и может быть, поэтому она не изменила мировоззренческих установок дворянина после отмены крепостного права и возвратила его к заботам о хозяйстве, к аграрному мифу как миссионерству русского дворянина.

⁸² ГАСО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 238. Л. 16, 19; Д. 258. Л. 2, 3, 7–7об., 10.

⁸³ Там же. Д. 186. Л. 1, 2, 9, 18, 19. Л. 24 об. – 25; Д. 200; Д. 49. Л. 22, 33; Д. 184. Л. 74.

References

- Budayev D.I. *Smolenskaya derevnya v kontse XIX — nachale XX vv.* [Smolensk Village in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Smolensk: SGPI, 1972. 467 p.
- Dennison T. *The Institutional Framework of Russian Serfdom*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2013. 254 p.
- Kamensky A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in the 18th Century (a Case of Holistic Analysis)]. Moscow: RGGU, 2001. 575 p.
- Khristoforov I.A. *Krest'yanin kak ideal'nyy grazhdanin: istoki i kontekst agrarnogo mifa v Rossii i v Yevrope Novogo vremeni* [The Peasant as an Ideal Citizen: The Origins and Context of the Agrarian Myth in Russia and Europe of the Modern Period] // *Rossiyskaya istoriya*. 2014. N 4. P. 159–166.
- Khristoforov I.A. *Sud'ba reformy: russkoye krest'yanstvo v pravitel'svennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-ye gg.)* [The Fate of the Reform: The Russian Peasantry in Government Policy before and after the Abolition of Serfdom (1830–1890s)]. Moscow: Sobraniye, 2011. 367 p.
- Kornilov A.A. *Kurs istorii Rossii XIX veka* [A Course of the History of Russia in the 19th Century]. Moscow: Vysshaya shkola, 1993. 446 p.
- Kozlov S.A. *Agrarnyye traditsii i novatsii v doreformennoy Rossii: tsentral'no-nechernozemnyye gubernii* [Agrarian Traditions and Innovations in Pre-Reform Russia: Central Non-Black-Soil Provinces]. Moscow: ROSSPEN, 2002. 557 p.
- Orlovskiy I.I. *Kratkaya geografiya Smolenskoj gubernii* [Brief Geography of the Smolensk Province.]. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina, 1907. 174 p.
- Pushkareva I.M. *Sel'skaya dvoryanskaya usad'ba v poreformennoy Rossii (k postanovke problemy)* [Rural Noble Estate in Post-Reform Russia (on the Problem Statement)] // *Otechestvennaya istoriya*. 1999. N 4. P. 14–31.
- Ruzhitskaya I.V. *Inventarizatsiya krest'yanskikh povinnostey pri Nikolaye I (1825–1855): plany i real'nost'* [Inventory of Peasant Obligations under Nicholas I (1825–1855): Plans and Reality] // *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye* [Economic History. Review] / Ed. by L.I. Borodkin. Is. 10. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2005. P. 170–172.
- Ryabkov G.T. *Smolenskiye pomeshchich'i krest'yane v kontse XVII — pervoy polovine XIX veka* [Smolensk Landlord Peasants from the Late 17th through the First Half of the 19th Century]. Moscow: Prometey, 1991. 264 p.
- Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia*. Leiden; Boston: Brill, 2018. 328 p.
- Yefremenko A.V. *Sel'skokhozyaystvennoye obrazovaniye v Rossii (konets XVIII — nachalo XX veka)* [Agricultural Education in Russia (from the Late 19th through Early 20th Century)]. Yaroslavl': [S. n.], 1997. 279 p.
- Zaionchkovskiy P.A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow: Prosveshcheniye, 1968. 368 p.
- Zakharova L.G. *Samoderzhaviye i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861* [Autocracy and the Abolition of Serfdom in Russia. 1856–1861]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1984. 256 p.

Проступила в редакцию
4 июня 2021 г.